

Д. С. Лихачев в Петербурге

Презентация подготовлена Еремеевой И.Г.
с использованием материалов статьи Ю.Михайлина
«11 мест в Петербурге академика Дмитрия Лихачева»

28 ноября 1906 года родился академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. К 115-летию со дня его рождения вспомним, что он жил в нашем городе и ходил теми же улицами. Предлагаю совершить виртуальную прогулку по его адресам.

Дом, где родился Лихачев (Английский просп., 20)

Родители Лихачева были страстными поклонниками балета, поэтому часто снимали жилье неподалеку от Мариинского театра. В «Воспоминаниях» Лихачев связывает начало своей памяти с моментом, когда он понял, что не умеет говорить: *«Мы живем еще на Английском проспекте . Я с братом смотрю волшебный фонарь. Зрелище, от которого замирает душа. Какие яркие цвета! И мне особенно нравится одна картина: дети делают снежного Деда Мороза. Он тоже не может говорить. Эта мысль приходит мне в голову, и я его люблю, Деда Мороза, — он мой, мой. Я только не могу его обнять, как обнимаю любимого плюшевого и тоже молчащего медвежонка — Берчика.»* (Из главы «Детство».)

Дом детства (Декабристов, 17/9)

Семья Лихачева сняла пятикомнатную квартиру на втором этаже этого дома осенью 1907 года. Здесь Лихачев прожил первые пять лет своей жизни, с этим домом связано большинство ранних воспоминаний.

«В детстве мне снился страшный сон, <...> что на меня едет поезд, наезжает, и я страшно боюсь. Я даже не хотел спать и делал все, чтобы не заснуть. Но <...> я засыпал и опять видел этот сон. И я решил тогда: это ведь сон, он мне не может причинить никакой неприятности. <...> И я скажу этому паровозу, который на меня наезжает: «Я тебя не боюсь. Ты во сне». Я сказал это паровозу, паровоз рассыпался передо мной, как-то разошелся, и после этого кошмара не повторялось». (Из фильма «Я вспоминаю».)

Ораниенбаумская, 27

Осенью 1917 года отцу Лихачева дали казенную квартиру в четырехэтажном жилом доме для высших служащих Первой государственной типографии, в этой квартире семья прожила до осени 1929 года. Здесь Лихачев окончил школу и университет и именно в этой квартире он был арестован. *«В начале февраля 1928 года столовые часы у нас на Ораниенбаумской улице пробили восемь раз. Я был один дома, и меня сразу охватил леденящий страх. Не знаю даже почему. Я слышал бой наших часов в первый раз. Отец не любил часового боя, и бой в часах был отключен еще до моего рождения. Почему именно часы решились в первый раз за двадцать один год пробить для меня мерно и торжественно?»* (Из главы «Арест и тюрьма».) *«Меня провожали по этой лестнице плачущие родители. Мой отец <...> был так расстроен, и мне так было горько, жалостно. Я все годы своего заключения вспоминал даже больше отца, чем мать. Потому что <...> я увидел отца с совсем другой стороны. Я никогда его не видел плачущим. Он меня провожал здесь».* (Из фильма «Дело № 195».)

Школа Лентовской (Плуталова, 24)

Здесь Дмитрий Лихачев проучился четыре старших класса, до 1923 года, и вспоминал школу как свой «первый университет». В последних классах Лихачев начал разрабатывать собственную философскую систему.

«В какой-то мере она отразилась на моем характере, а главным образом — на моей реакции на все невзгоды жизни. <...> Я пришел к выводу, что время — это только одна из форм восприятия действительности. Если «времени больше не будет» при конце мира, то его нет <...> и во всем его существовании. <...> Без этого «преодоления времени» нельзя было бы воспринимать музыку.

И это слияние в музыке прошлого, настоящего и будущего в какой-то мере есть слабое отражение той вечности, в которую уже погружено все существующее и снимается «иглой настоящего» с пластинки вечности. <...> концепция времени как формы восприятия бытия сыграла в моей юношеской жизни большую роль — я бы сказал, «успокаивающую», способствующую твердости и душевной уравновешенности во всех моих переживаниях, особенно связанных с заключением в тюрьме ДПЗ и на Соловках».

(Из главы «Выработка мировоззрения».)

Потом это представление о времени развилось и получило отражение в занятиях древнерусской литературой.

«Хельфернак» (Блохина, 12)

Огромную роль в жизни Лихачева сыграл школьный кружок «Хельфернак» («Художественно-литературная, философская и научная академия»).
«Вплоть до конца 1927 года город кипел различными философскими кружками, студенческими обществами. <...> У нашего школьного преподавателя И.М.Андреевского с самого начала 20-х годов собирался кружок, носивший <...> название «Хельфернак». <...> в двух тесных комнатках <...> на мансардном этаже <...> каждую среду собирались и маститые ученые, и школьники, и студенты.»
(Из главы «Хельфернак».)
Во второй половине 20-х кружок переориентировался на обсуждение религиозных тем и был переименован в «Братство святого Серафима Саровского». Впоследствии участники братства были арестованы и оказались в лагере на Соловках.

Петроградский университет (Университетская наб., 7)

В 1923 году, за несколько месяцев до семнадцатилетия, Лихачев поступил на факультет общественных наук Ленинградского университета. Именно здесь он начал заниматься древнерусской литературой.

«Чем шире развивались гонения на церковь и чем многочисленнее становились расстрелы на «Гороховой два», в Петропавловке, на Крестовском острове, в Стрельне и т. д., тем острее ощущалась всеми нами жалость к погибающей России. <...> И с этим чувством жалости и печали я стал заниматься <...> древнерусским искусством. Я хотел удержать в памяти Россию, как хотят удержать в памяти образ умирающей матери сидящие у ее постели дети, собрать ее изображения <...>. Мои книги — это, в сущности, поминальные записочки, которые подают «за упокой»: всех не упомнишь, когда пишешь их, — записываешь наиболее дорогие имена».

(Из главы «Красный террор».)

В 1928 году Лихачев окончил университет, написав две дипломные работы, посвященные Шекспиру в России в конце XVIII — начале XIX века и повестям о патриархе Никоне.

Издательство Академии наук СССР (Менделеевская линия, 1)

В 1934 году Дмитрий Лихачев поступил сюда на должность ученого корректора и проработал четыре года. «Особенно много было арестовано именно в нашей корректорской, где работали почти сплошь «бывшие». <...> После убийства Кирова я встретил в коридоре издательства пробежавшую мимо заведующую отделом кадров: <...> «Я составляю список дворян. Я вас записала». <...> «Нет, я не дворянин, вычеркните!» <...> Я возразил, что мой отец — «личный» [дворянин], а это означает, что дворянство было дано ему по чину, а к детям не переходит. <...> Как-то утром я пришел в корректорскую, <...> замечая — корректорская пуста, сидят только двое-трое. <...> спрашиваю: «Что это никого нет? Может быть, производственное собрание?» Федоров, не поднимая головы и не отрывая глаз от работы, тихо отвечает: «Что вы, не понимаете, что все арестованы!» Я сел на место... Одна дама в нашем издательстве сказала: «Если завтра не окажется на месте Исаакиевского собора, все сделают вид, что так всегда и было». (Из главы «Репрессии 30-х гг.».)

«Космическая академия наук» (Зверинская, 17а)

На старших курсах университета друзья пригласили Лихачева в «Космическую академию наук», собрания которой устраивались раз в неделю в комнате коммунальной квартиры «президента» академии Э.Розенберга.

«Обязанностью нашей было читать шуточные, какие-нибудь очень экстравагантные доклады. <...> И мой доклад заключался в оправдании старой орфографии. <...> После доклада меня произвели в академики по кафедре меланхолической орфографии. Мы дружили и радовались нашему юношескому благополучию, нашим идеям, нашей мечте о будущем. Когда праздновалась первая годовщина нашей академии, были всякие шутки, среди них была и телеграмма, посланная из Детского села в большой конференц-зал [университета], в которой было сказано, что папа римский поздравляет «Космическую академию наук» с годовщиной. Но эта телеграмма вызвала к себе очень серьезное отношение.

И 8 февраля 1928 года мы были арестованы — и нас всерьез начали спрашивать о наших связях с папой римским». (Из фильма «Я вспоминаю».)

Лохтинская, 9

Здесь, в доме родителей, Лихачев поселился в 1932 году после освобождения из Беломоро-Балтийского лагеря. Здесь же он пережил первый год блокады. «Что такое была блокада — это трудно себе представить, это невозможно рассказать.

Электричества нет. Окна зашторены, и не всегда хватает сил днем их поднять. А зимой все время темно. Я еще с 1918 года умел делать такие коптилки, которые горели с минимумом керосина. Мы лежим под одеялами, под шубами. Потому что страшнее чем голод — холод, какой-то изнутри идущий. Ведь организм не отапливается, в нем нет тепла. И этот внутренний холод — он страшный совершенно. В это время какой-то звук — это умирает от голода мышь <...>. Единственное живое, что было в комнате, кроме нас, — это часы. Они тикали, ходили.

Мы только по ним узнавали время — что это, ночь или день, и когда идти за хлебом. Это обстановка такого одиночества каждой семьи. И спасали только стихи. Потому что читать при коптилке можно было только одному вслух. А что читать, когда дума все время перебивается голодом?

Только стихи. Поэзия была способна пересилить чувство голода». (Из фильма «Я вспоминаю».)

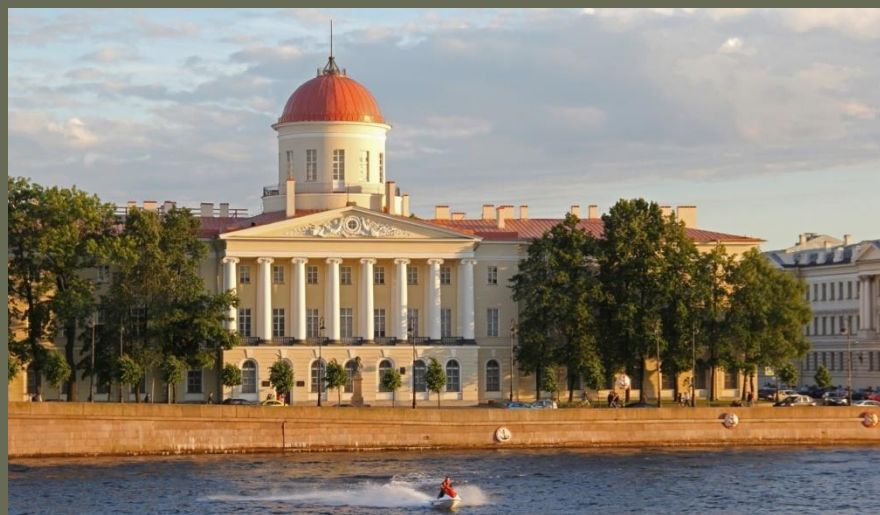

Пушкинский дом (наб. Макарова, 4)

В 1938 году Лихачев поступил на работу в Пушкинский дом (Институт русской литературы) в отдел древнерусской литературы и работал тут более шестидесяти лет, до конца жизни, вместе с коллегами дежурил в Пушкинском доме и во время блокады. В 1954 года он возглавил сектор древнерусской литературы.

Его ученик и коллега Евгений Водолазкин вспоминал: *«Для него было важно создать такую атмосферу, которая позволила бы работать ему и его сотрудникам. Это был своего рода остров <...>. Он создал его в виде отдела древнерусской литературы в Пушкинском доме».*

«В определенном смысле речь <...> могла идти о лаборатории по восстановлению в общественном сознании литературы Древней Руси. Из забвения на свет божий выходили сотни неопубликованных текстов XI–XVII веков. Венцом этого грандиозного замысла Лихачева явилась двадцатитомная библиотека литературы Древней Руси».

2-й Мушинский просп., 34

Лихачев с семьей жил здесь в просторной квартире № 16 с 1964 года до конца жизни. Сейчас на доме висит мемориальная доска. В октябре 1975 года на лестничной площадке возле квартиры Лихачев был избит неизвестным за отказ подписать письмо против Сахарова. В мае 1976 года случилась попытка поджечь квартиру.

«Позвонили из Москвы: «Дмитрий Сергеевич, мы можем изменить отношение к вам в правительстве и партии, если вы подпишете вместе с нами». Я сказал: «Нет». — «Ну, на нет и суда нет». И в тот же день вот здесь, на лестнице, на меня напал человек в кепке. Я должен был идти читать лекцию о «Слове о полку Игореве». Он ударил меня в живот, а потом в сердце, но у меня было осеннее пальто из толстого материала, а кроме того, доклад, который я должен был читать, лежал вот тут, за бортом пальто [в области сердца]». Дочь Лихачева Людмила вспоминала: «Ему сломали два ребра. Он сделал доклад, потом вернулся и почувствовал сильные боли». (Из фильма «Крутые дороги Дмитрия Лихачева».)

В одной из последних записных книжек Лихачев записал: *«Ранним утром 26 марта 1998 года я услышал ясно: «Скоро пойдём дальше!» Голос был громким, как бы внутри меня. Я был в полусне. Я не сразу понял, что это значит, потом догадался».*

Книги Дмитрия Сергеевича Лихачева в школьной библиотеке

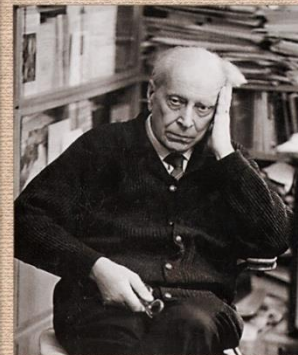
Д.С. ЛИХАЧЕВ

ВЕЛИКОЕ НАСЛЕДИЕ ЗАМЕТКИ
Классические произведения
литературы Древней Руси **О РУССКОМ**

Д.С. ЛИХАЧЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ

Д.С. ЛИХАЧЕВ

РАЗДУМЬЯ О РОССИИ

Д. С. Лихачев

*Письма
о добром*

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ
ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

**УРОКИ
ЛИХАЧЕВА**